

Интервью с Еленой Ивановной БАШКИРОВОЙ

«ТАКОГО УРОВНЯ ЛЮДИ ПРИХОДИЛИ НА «ОГОНЕК», ВЕЛИ РАЗГОВОРЫ; ЭТО И БЫЛИ МОИ «УНИВЕРСИТЕТЫ»

Башкирова Е. И. — кандидат философских наук, Генеральный директор «Башкирова и партнеры ООО». Основные области исследования: общественное мнение, маркетинговые исследования, консультирование. Интервью состоялось в 2012 г.

Эта беседа с Еленой Ивановной Башкировой — самая продолжительная в рамках моей серии интервью с советскими/российскими социологами и, думаю, этот рекорд еще долго не будет побит. На первые пять вопросов ответы были получены в конце октября 2006 года, тогда этот проект лишь разворачивался. После длительного перерыва интервью было продолжено и в основном завершилось к концу 2009 года. Но что-то опять помешало нам закончить разговор. И хотя некоторые фрагменты воспоминаний Елены уже включены в мои историко-научно-публицистические публикации, при нашей встрече в начале 2012 года в Москве мы решили еще раз посмотреть все материалы и опубликовать их полностью.

Перед отправкой интервью в «Телескоп» я попросил Елену кратко ответить, что главное произошло в ее работе после 2009 года. Приведу ее ответ полностью: «Продолжаем укреплять свое положение в России, развиваем новые продукты, в основном маркетинговые. Начинаем постепенно выходить на международный рынок в качестве самостоятельного игрока. Планируем даже создать сеть компаний за рубежом. В социально-политическом плане продолжаем работать с властью, предлагаем сложные комплексные исследования с интересными методиками и сложным, глубоким анализом».

В конце замечу, Лена Башкирова — один из тех исследователей, под деятельности которых американские и европейские социологи и полстеры судят об уровне и характере изучения политических и потребительских установок в России.

Башкирова Е. И.: Такого уровня люди приходили на «огонек», вели разговоры; это и были мои «университеты»¹

Лена, мы очень давно знакомы, и все же было время, когда я тебя не знал. Расскажи, пожалуйста, немного о твоей семье, где ты родилась, где заканчивала школу? Что особенно интересовало тебя в годы, когда люди задумываются о своем будущем?

Я – из семьи научной интеллигенции. Мои родители были учеными, научными сотрудниками, трудились в военной сфере, в авиации. Мой брат – микробиолог, и довольно известный. В общем, детство и молодость я провела в научной среде. Родилась я в Москве, но провела детство в военном городке рядом с Чкаловским аэродромом (названным в честь перелета в Америку В. Чкалова), куда после окончания военно-воздушной академии имени Жуковского перевели работать моего отца. Первое время мы жили на Калужской заставе, там, где сейчас построили здание МВД. Училась я на Чкаловской, в средней школе, рядом с которой в то время размещался Звездный городок, где проводилась подготовка первых космонавтов. В доме напротив жил Гагарин, училась я в школе его имени и танцевала с ним на выпускном вечере. Моя подруга встречалась с молодым человеком, который был близким другом Гагарина. Кстати, в моем архиве есть никогда не публиковавшиеся фотографии, сделанные на нашем выпускном вечере, на который Гагарин был приглашен.

Школа была очень сильная по педагогическому составу, и практически все мои одноклассники после поступили в сложные вузы: в Физтех, МИФИ, МГУ – самые «модные» в то время учебные заведения. А я поступила в Институт иностранных языков им. Мориса Тореза который тогда был самым, наверное, престижным вузом, куда брали либо по большому «блату», либо за большие способности. Я все-таки по второму пути прошла, потому что никто за меня не просил. Правда, у меня было два существенных, по тем временам «бонуса»: грамота за первое место на школьной олимпиаде по английскому языку и первый взрослый разряд по спортивной гимнастике, что тогда высоко ценилось.

О чем я задумывалась тогда, в те времена далекие?.. Во-первых, у меня была непреодолимая жажда, тяга к знаниям, я постоянно читала, посещала различные кружки, интересовалась историей и, конечно, иностранными языками. Сначала я занималась самостоятельно, покупала книги на английском, а потом мама, поняв, что этот интерес – всерьез, наняла мне педагога – замечательного педагога. До сих пор ее помню, ее звали Ольга Синяк, она преподавала в МГИМО в то время... А вообще мне всего хотелось – и одновременно! До сих пор жалею, что не получилось у меня посещать художественную школу, потому что она была далеко, и родители возражали против того, чтобы я туда ездила одна. Но до сих пор я безумно жалею, что это в моей жизни осталось нереализованным. Нет у меня того таланта, который необходим настоящему художнику, но мне не хватает техники, чтобы начать рисовать «для себя». Я пыталась это восполнить, когда моя дочь Маша была маленькой, я выписывала журнал «Юный художник», там были уроки техники рисунка, и я пыталась заниматься самостоятельно. В общем, как уже говорила – читала, училась, хотела выучить несколько языков, и отчасти мне это удалось – я знаю английский, французский, и совсем немного польский, шведский и фарси.

Время, о котором я говорю, как ты помнишь, - это время фильма «Девять дней одного года», период всеобщего романтического увлечения физикой. И мой брат

¹ Башкирова Е. И.: Такого уровня люди приходили на «огонек», вели разговоры; это и были мои «университеты» (Интервью Б.З. Докторову) // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2013. № 1. С. 2-7.

(он на два года меня старше) – поступил в Физтех. Ну, ты знаешь, что такое Физтех? Это интеллектуальная элита! Эдакие «гусары», они жили в Долгопрудном, где развлекались, играли в карты... и очень много и упорно занимались. Я там часто бывала, мне там было интересно, и, насмотревшись на Лаврову из «Девяти дней одного года», я тоже решила туда поступать, хотя у меня явные способности гуманитария, брату и родителям пришлось меня отговаривать!

Какой язык или какие языки у тебя были главными? Планировала ли ты стать переводчицей, преподавателем, заниматься наукой?

Повторю, сразу после школы я поступила в Московский Государственный педагогический институт иностранных языков им. Мориса Тореза – на дневное отделение английского языка. Учиться было просто классно! У нас такие потрясающие педагоги были! Но и очень строгие при этом. Группы были маленькие – по десять человек всего. В общем, «штучно» нас выпускали: 10 человек это не 30. Лучше, чем у нас не обучали нигде. Одновременно мы глубоко изучали психологию, философию – по одной простой причине: у нас рядом на Волхонке был Институт философии. Все те, кого сейчас называют великими – Геннадий Васильевич Осипов, Исаак Семенович Звавич (1904-1950), умер в Ташкенте, космополит – они подрабатывали у нас. Им было приятно молодым девицам преподавать, а потом, – дополнительные деньги. В общем, получилось, что у нас было углубленное изучение философии и социологии – я бы сказала, превосходившее по уровню преподавания МГУ или другие известнейшие вузы. История, философия, психология, языкознание, - все это хорошо для мозгов, я должна сказать! Наверное, мало кто из нас что-то помнит по самой дисциплине, но это приучило мыслить, копаться в литературе, ходить в библиотеки... Я там, кажется, всю молодость провела – или почти всю... Ходили в Библиотеку иностранных языков, совершенно потрясающую, в Историческую, и потом в открытую только-только библиотеку Академии общественных наук.

Был у нас еще один, особый предмет - спецподготовка, «спецуха» мы ее называли – не смейся, пожалуйста, - я старший лейтенант запаса. Тренировали как следует – уж не знаю, для чего, в разведчики, что ли готовили? Я была командиром, как ты догадываешься, этого отделения. Госэкзамен был по спецподгтовке, мы и карты рисовали, и радиоперехватом занимались, все это на английском языке, представь себе. Американский сленг военный учили, то есть я вполне могла бы быть...военным переводчиком. А вторым языком у меня был французский. Можно было выбирать между немецким, французским и итальянским, и выбрала язык, о котором, честно говоря, мечтала. Он мне очень нравится, просто безумно, я хотела читать французскую литературу в подлиннике.

Конечно, в процессе учебы был запланирован и второй язык - французский. Понятно, что была латынь, была фонетика – и теоретическая, и практическая. Была у нас замечательная преподавательница, американка, она почему-то выбрала Советский Союз, эмигрировала из США. Звали ее Фрида Семеновна Надлер, до сих пор помню, потому что всех педагогов любила. Она преподавала у нас фонетику, и оценки у нас начинались с «минус 5», можешь себе представить? То есть мы бесконечно пересдавали одни и те же коротенькие тексты, слушали по много часов подряд в лингафоне речь натуральную. А папа мой, поскольку был военным, не разрешал мне слушать «Голос Америки» или «Би-Би-Си» - даже в целях изучения языка. Он считал, что это «враждебные голоса» ... Тему моей диссертации ты знаешь, да? Смешно тебе это будет услышать...В общем, начинали изучать фонетику с «минус пяти», когда доходили до «нуля» - это был большой успех, а уже если получали «двойку с плюсом», то это было хорошо. Кстати, когда я поступала в институт, меня похвалили за хорошее произношение, поставили «пятерку», с гордостью об этом могу сообщить.

В институте я продолжала – вернее, пыталась продолжать заниматься спортом, гимнастикой, считалась «звездой», но пришлось занятия оставить. Просто становилось страшно. Я помню, что когда я выполняла упражнения на брусьях, мальчики стояли наготове, чтобы подстраховать меня – такие условия были в спортзале. Я стала готовиться в кандидаты в мастера спорта, но пришлось прекратить. Но зато я выступала за институт – ну, просто по всем видам спорта, какие только бывают. Я даже «на нервной почве» какое-то место заняла по прыжкам – не то второе, не то третье. Я торопилась на свидание, прибежала, говорю: «Где тут прыгнуть?», прыгнула – и убежала. В общем на вручении наград меня искали, а меня уже не было. Даже плавать меня заставили, при том, что я плавать вообще не умею!

Я была сначала старостой группы, потом старостой курса. Я – Лев по знаку Зодиака, никогда не стремилась стать «начальником», но всегда меня, назначали, уговаривали: ну, если не ты, то кто же... Заведовала я производственным сектором бюро комитета комсомола – на пятом курсе уже. Была какая-то «борьба политическая», кого-то «спихивали», а меня выдвинули. И все проголосовали – я ничего не могу поделать. То же самое, если ты помнишь, было и в Институте социологии. Весь наш сектор тогда не хотел голосовать за Валерия Андреевича Коробейникова – проголосовали за меня, как я ни объясняла, что не хочу быть завсектором, как ни умоляла, как ни сопротивлялась. В общем, от судьбы не уйдешь.

Кем я хотела быть? Конечно, переводчицей. Я хотела ездить, побывать за рубежом, а это был единственный путь в то время. Хотя преподавание у меня тоже хорошо шло, например, никогда не было проблем с дисциплиной. И не потому, что я строгой была. Я входила в класс (у нас была практика в спецколлах) – и внимание было все на меня, и как-то легко все шло, проблем не было. В общем, могла, наверное, и педагогом стать, но переводчица – это было более заманчивым.

На распределении – это был 1969 год – мне предложили выбрать страну, куда я хотела бы поехать – в Индию, Иран или Египет. Мне дали пять минут подумать, и я выскочила, а мобильников не было, созвониться – посоветоваться мне было не с кем. Рядом была военная кафедра, и оттуда кто-о вышел из наших преподавателей. А преподаватели-то – все бывшие разведчики, и между прочим, известные...И кто-то из них, по-моему Юрий Воронцов, он занимался СМИ, а потом социологией, кстати, стал заниматься, мне сказал: «Ну что же Вы думаете? Конечно, Иран!». Только потом я поняла, они же все были в свое время на легендарной Тегеранской конференции, это была их молодость, с этой страной были связаны личные воспоминания, личные моменты...В общем, я тупо повторила: Иран. И ничуть об этом не жалею. Потому что страна – замечательная, и я поехала в чудный город Исфаган и провела там 13 месяцев. И сильно обогатилась; в культурном смысле, и в языковом: язык я этот выучила замечательный – фарси, спокойно совершенно могла общаться и даже переводила иногда, что вообще-то сейчас считаю пределом наглости!

Кстати, во время учебы я занималась еще и шведским. Я же говорила: у меня была просто неумная жажда знаний, и мне очень нравился этот красивый язык. Правда, было трудно – я же еще и французский учила, но чуть-чуть все-таки я шведский выучила. И еще польский – по самоучителю. На первом курсе у нас сложилась компания из пяти девочек, вообще и вся наша группа была дружной – ездили друг к другу в гости, ходили на вечерники, в театры – тогда это было модно, но впятером мы дружили очень-очень близко. И мы как-то пошли в книжный магазин на улице Горького, где продавались тогда книги «стран народной демократии», как это тогда называлось. Я помню, мы купили самоучитель польского языка, с пластинкой, такой толстый, он до сих пор у меня где-то лежит. Купили – и стали учить польский язык. Для чего? Для того, чтобы читать журнал польский об искусстве, об актрисах и актерах, светские новости, «сплетни» - исключительно для этого. Я читала, изучала, даже подписалась

на журнал «Кобета и жиче»!

Под воздействием каких обстоятельств, после прочтения каких книг, в силу чего ты решила стать социологом?

Это интересная история, она произошла после того, как я вернулась из Ирана домой.

Кстати, у меня там удачно складывалась карьера, меня быстро повысили. Я тихо сидела, работала, там было большое переводческое бюро. Переводили с русского на английский, а потом на фарси. Буквально через четыре дня меня пригласил к себе директор учебного центра по подготовке специалистов, молодой человек, как я сейчас понимаю, - ему был 31 год, Александр Павлович Мерзляков. Он предложил мне стать его личным помощником и курировать, а практически — возглавить, переводческое бюро. Я пришла в недоумение — только что закончила институт, опыта работы у меня не было, а тут — не только люди моего возраста, но и «дяденьки» и «тетеньки» значительно старше. В общем, руководить мне не хотелось, но опять мне сказали: «Федя, надо!». Я была в ужасе. Потому что только три человека были из московских вузов, а все остальные — из провинциальных учебных заведений, и язык знали плохо. В общем, в первую ночь после назначения я проплакала час. Ужасное было качество перевода, а нас ведь учили все делать хорошо! Потом села — и решила, что я вот это все перепису. За все бюро. Человек 20 работали, страниц по 20 ежедневно писали, а я решила переписать. К утру я поняла, что это безнадежно... Нашли другие способы, я стала чужие тексты редактировать, вышли из положения.

Да, о фарси: там было два чудесных переводчика, я с ними дружила, одна женщина из Петербурга и второй — тоже питерский человек, и он организовал кружок. Вообще, мы все друг дружку чему-то учили. Я лично вела кружок французского языка, у меня до сих пор ваза есть, которую мне подарили благодарные ученики. А нашего «преподавателя» фарси за какие-то провинности из страны выслали, и обучение закончилось. Я, правда, продолжала учить самостоятельно и даже писать научилась!

Через 13 месяцев из Ирана я вернулась, приехала в Москву. Надо было искать работу. А когда мы после института разъезжались по разным странам, мы обменялись адресами, все переписывались. И был у меня друг, Витя Кулешов, он уехал в Египет, и ему, несчастному, не повезло. Война началась с Израилем, а мы же все были военнообязанными, любого могли одеть в военную форму. Он служил военным переводчиком на корабле, и жуткие письма писал, как он переводит, а вокруг взрывы, и он не знает, будет он жив или нет. В общем, опасная у нас профессия, у переводчиков, должна я сказать! Я вернулась раньше, меня просили остаться, хотели в Тегеран перевести, но я решила уйти. Всю жизнь ухажу от дипломатов — мне предложения делают такого рода, а я их не принимаю... Мне тогда говорили: «Это ошибка Ваша, подумайте». Может, и правда, ошибка это была, не знаю... Так или иначе, я вернулась. А с Витей Кулешовым продолжала переписываться. И он мне писал, что интересуется социологией, просил купить книги, указывал точные названия книг, которые надо купить. Ядов, Осипов, Шебутани и другие польские авторы... Я покупала книжки, ездила за ними, искала. И перед тем, как отправить сама все прочитывала. И настолько увлекалась этим делом, что это сказалось во время поисков работы. Мне и мама помогла искать, и были разные предложения, и была женщина, которая тоже мне помогала — Ворошилова Тамара Александровна — не знаю, может, она была родственницей знаменитого Ворошилова, который вел на телевидении программу «Что? Где? Когда?». Она была журналисткой. Именно она мне и сказала в 1968 году о том, что открывается социологический институт, тогда он назывался Институт конкретных социальных исследований АН СССР, у нее там были какие-то знакомые. И пошла я туда работать — нет бы отдохнуть после возвращения, нет я была настроена на учебу, на работу...

.В общем, взял меня к себе Владимир Николаевич Шубкин, он тогда вернулся из Сибири. Тогда и Владимир Эммануилович Шляпентох вернулся, а Татьяна Ивановна Заславская осталась.

Институт был создан. И все только начиналось. У Владимира Николаевича, он тогда был завсектором «Социологические проблемы образования», была небольшая комнатка – на Профсоюзной улице, напротив кинотеатра «Тбилиси». Адрес я сейчас уже не помню... И вот так мы и зажили дружной, совершенно замечательной семьей. Это были лучшие, умнейшие люди, которые думали о стране, не только о своей карьере. Тогда была оттепель. Свобода пьянящая, ожидание перспектив и счастья. Все были молоды, все время праздновали что-то, общались... Там я начала посещать курсы для соискателей, для аспирантов. Я их, наверное, раза два или три прослушала. Приезжали из Питера – Владимир Александрович Ядов – специально для того, чтобы прочесть лекции на этих курсах. Меня полюбила Воловик Любовь Анисимовна, заведующая аспирантурой, ее потом в связи со знаменитым «левадовским» делом тоже убрали. Вообще она была суровой, ее все боялись, а мне она конфетки приносила говорила: «Лена, пока я жива, ты должна защититься». Я не торопилась. Мне, честно говоря, не нужна была эта формальная процедура – защита, мне нужны были знания. Мы все время вели дискуссии на профессиональные темы, спорили, рассуждали... У Владимира Николаевича была прекрасная обстановка в коллективе – неформальная. Он считал, что это крайне важно, все время говорил: «Лена, главное – неформальные отношения!». Я не сразу поняла, почему он меня все время куда-то посылал – то за книгами, то за документами, я ведь не секретарь, я уже была «мэ-нэ-эсом» (а начинала я с должности «старший научно-технический сотрудник» с окладом 90 рублей). Это он строил мои личные отношения с другими сотрудниками, вводил в круг своих людей.

Мне вообще везет на хороших людей, то ли я к ним притягиваюсь, то ли – они ко мне... Я была тоненькой стройной блондинкой с длинными волосами. И, поскольку люблю «обживать» рабочее место, я и сюда принесла чайник, салфетки и, когда приходили гости, я их всех угощала чаем. Ядов бывал, Галина Михайловна Андреева, Николай Иванович Лапин... Вот такого уровня люди приходили «на огонек», они сидели, вели разговоры. Это и были мои «университеты».

Много позже у Бориса Андреевича Грушина был шок – он меня запомнил девочкой-блондиночкой, разливающей чай, и мы долго с ним не пересекались. А потом, когда я у него «увела» мощных клиентов, у него, конечно, был шок. Он сказал мне тогда: «Лена, я Вас уважаю, я Вас помню, Вы изменились». Я отшутилась: «Конечно! Вы же меня с тех пор не видели, думали, что я все чай разливаю?» Может, ему неприятно было, что клиенты ушли, но он не обиделся, а заужавал меня. Вот такими были «мои университеты»... Вот такой была обстановка – неформальной, дружеской, мы все ездили в Кьяэрику, в Эстонию, там была свобода, была Марью Лауристин, были выступления, конференции... Работы было много, и, может быть, мы работали больше, чем другие, но я об этом не жалею абсолютно потому что это было приобретение опыта, дружеских связей, хороших, нужных.

Тогда же я познакомилась с учеными Института философии, куда позже ушла – меня «сманили» заниматься искусственным интеллектом, меня прельстила эта возможность. Я не хотела язык бросать, и меня пригласили заниматься лингвистическими аспектами – семантикой. Я тогда обложилась книжками, до сих пор дома хранятся какие-то книжки по семантике. Но только я перешла, и выяснилось, что эту тему отдали другому научному руководителю. И кроме того, выяснилось, что я беременна. В общем, с искусственным интеллектом не сложилось. А социология меня приманила настолько, что после того, как родила, я вернулась в Институт социологии. И стала заниматься изучением средств массовой информации – их аудиторий.

Твоя кандидатская диссертация касалась аудитории Западного радио, которое тебе дома запрещали слушать. Кто был твоим руководителем? Когда ты ее защитила? Каковы были основные выводы?

Тематикой диссертации: «Социологический анализ аудитории капиталистических радиостанций в СССР», руководителем был Владимир Савельевич Комаровский.

Отдел института ИСАН, в котором я тогда работала, занимался многими в то время «закрытыми» проблемами, включая и прослушивание «вражеских» голосов («Голос Америки», «ВВС», «Радио Свободы»), что очень сильно не приветствовалось властями.

Работу в этом отделе я вспоминаю с большим удовольствием: хотя начальство наше было в «чинах», коллектив исследователей был молодой, творческий, сплоченный. Например, я работала вместе с психологом Виктором Мельниковым, с которым мы объездили почти весь Союз. Тогда еще шла пьеса про мужчину-психолога и женщину-социолога, и мы все смеялись: «Прямо как с нас списано!». Мы очень много где побывали, в основном, конечно, в тех республиках СССР, где был уверенный прием иностранных радио- и телеканалов. В Прибалтике, где «ловили» финское телевидение, в Армении и Грузии, где смотрели турецкие и иранские каналы, на Дальнем Востоке, где принимали Японское и Китайское телевидение.

И конечно, исследования тогда проводились совсем не так, как сегодня. Мы все делали сами! Сами составляли и программы исследования, и анкеты, сами проводили интервью, сами контролировали выполнение квотных заданий. Это сейчас мы работаем в основном по случайной выборке, а тогда использовали квотную — ее легче контролировать; помню, у меня анкеты иногда занимали весь номер в гостинице — я их раскладывала по комнате, проверяя соблюдение квот, сами набивали массив данных на перфокарты, сами кодировали и писали отчеты. Сами же занимались и формированием бригад интервьюеров. Такие бригады тогда состояли из очень образованных людей — преподавателей ВУЗов, лекторов общества «Знания», школьных учителей, руководили бригадами специалисты института социологии. Хочу сказать, что мы никогда не привлекали райкомовских работников, потому что даже тогда мы стремились, прежде всего, к объективности. Именно поэтому большая часть из 100 моих опубликованных работ вышла под грифом «Для служебного пользования».

Партийные работники, конечно же, были заинтересованы, чтобы информацию мы подавали в нужном им свете. В Армении в этом плане было довольно сложно работать — они хотели проводить интервью сами, поэтому очень забавно старались отвлечь всяким застольями, банкетами и т.д.

Вообще мы всем нашим коллективом молодых единомышленников всячески старались уйти от идеологии, меньше писать о «партии и правительстве», поэтому сосредоточились на методологии, на построении выборок и вопросников, шкалах и типологии. И это был абсолютно правильный выбор, знания пригодились не только в научной работе, но и на посту руководителя исследовательской компании.

В связи с общей партийностью науки случались и казусы. Тут надо сказать, что я никогда не была членом КПСС, и к тому же занималась «закрытой» проблематикой. Мы с моими коллегами привыкли открыто говорить о негативных с точки зрения властей вещах. Например, об отношении народа к вводу войск в Афганистан (40% населения тогда были против), запаздыванию информации в СМИ, многом другом. Мы привыкли давать объективные данные, высказываться «без обиняков». И вот однажды я подготовила достаточно стандартный отчет о тематике и структуре телевидения в СССР, где построила перевернутую пирамиду, иллюстрирующую несовпадение интересов аудитории и телевизионной политики. Народ хотел в прайм-тайм смотреть фильмы, новости, хоккейные матчи, а не «Твоя Ленинская библиотека» или «Ленинский университет миллионов». Этот отчет попал в руки секретаря

по пропаганде Приморского края (отчет, естественно, был подписан мною), и секретарь направил письмо на имя директора Института социологии, где выразил негодование, что такие важные отчеты поручают «политически безграмотным», «незрелым в идеологическом отношении» сотрудникам, позволяющим себе замахнуться на «святое». Письмо фактически содержало требование уволить меня. И я была готова уйти, но к чести Владимира Савельевича Комаровского, он полностью встал на мою защиту.

Что касается диссертации, то защищать я ее не спешила, да и времени, если честно не хватало. Было очень много исследований, много командировок, а еще я старалась как можно больше внимания уделять дочери.

Выводы в моей работе были очень интересными: Основная аудитория западных станций — молодежь — слушала популярную музыку, а интеллигенция — главы из хороших и запрещенных тогда литературных произведений, и свежие новости, в том числе и вполне невинные, например о Мэрилин Монро, которых в советских СМИ тогда просто не было.

Когда твои научные интересы сместились в сторону изучения общественного мнения? Установки к каким проблем вы тогда зондировали? Думаю, что сегодня об этом можно рассказать....

После защиты диссертации меня пригласили в отдел изучения общественного мнения, который в свое время создал и возглавил Б.А. Грушин. Когда Борис Андреевич ушел, остался костяк сотрудников, которые стремились сохранить тот профессионализм, и требовательность к качеству, которые привнес Грушин.

Вообще с переходом в отдел общественного мнения мои интересы сместились, исследования, в которых я тогда участвовала, были связаны с изучением общественного мнения по самому широкому спектру вопросов. Вспоминается, например, проект по изучению отношения населения к повороту северных рек, не допустить который, помогли в том числе и наши исследования.

Примерно в тот же период я занялась компаративистикой. В институте я была научным секретарем советско-финского и советско-канадского научного сотрудничества в области социологии, занималась сравнительными международными исследованиями и вскоре возглавила сектор «Международных сравнительных исследований». Наш сектор тогда представлял собой небольшую сплоченную команду единомышленников-профессионалов. Мы были пионерами в области качественных исследований, я была одним из первых модераторов в России, проводила исследования, где в качестве консультанта участвовала будущий государственный секретарь США Мадлен Олбрайт. Тогда мы провели такие сравнительные исследования, как «Советско-Американские отношения» (совместно с А.Ю. Мельвилем) и Браунским университетом (США), «Оценка международных отношений» совместно с Биллом Зиммерманом (этот проект мы мониторим до сих пор). Шесть лет мы вели проект совместно с европейской комиссией («Eastern and Central European Barometer»), много исследований провели с Джорджем и Алеком Гэллапами (сыновьями доктора Джорджа Гэллапа), вели проект с университетом города Тампере и финским отделением «Гэллап». Осуществили сравнительный проект в сфере политической психологии совместно с США и Финляндией. Так в Финляндии вышло несколько книг с моим участием, где дан сравнительный анализ образа страны, образа жизни, установок россиян, финнов, американцев и чехов.

К 1989 году я прошла уже довольно большой научный путь, была членом WAPOR, ESOMAR, позже IAPC, училась в летней школе Мичиганского университета (что очень потом пригодилось мне и в профессии и в жизни).

1989 год для меня ознаменовался тем, что мы вместе с сотрудниками моего сектора

создали независимую исследовательскую компанию и начали успешно работать в области социально-политических исследований, а позднее — в области маркетинга.

Недавно мы с Б.М. Фирсовым опубликовали наши воспоминания о том, как проводили опросы в Ленинграде в 70-е годы. Фантастика... интервьюеров не было, анкетирование — по месту работы... все обрабатывалось на счетно-перфорационной технике, как Джордж Гэллап в 30-х годах. Как вы проводили сбор и обработку результатов опроса?

Что касается методов, о которых ты вспоминал с Фирсовым, в то время мы уже работали в новой компании, и сотрудники Бориса Максимовича очень часто помогали мне. Вообще тогда существовало корпоративное братство. Мне, впрочем, было несколько легче в этом отношении. Я была также научным секретарем Института социологии РАН по изучению общественного мнения, организовывала различные конференции, в том числе советско-финский семинар в Дагомьсе, поэтому со многими была знакома лично.

Когда мы организовали фирму, я и мои коллеги одними из первых начали создавать сеть интервьюеров по России, мы первыми отказались от привлечения студентов, создали «пул» партнеров со многими из них я работаю и сейчас.

Я и мои сотрудники прошли тренинги и программы обучения, сейчас в компании мы используем В2В, глубинные интервью, VCM, психологические методики, соционику, фокус-группы. У нас тогда сложился очень хороший коллектив — честных профессионалов-единомышленников, энтузиастов, работающих не только за деньги. Помню, когда ко мне пришла Таня Ливанова наниматься на работу, мы с ней проговорили несколько часов о работе, но обе забыли обсудить ее зарплату.

Мы иногда работали даже ночами, и мой муж и дочка привозили в офис еду для всех. Мы готовили отчет по «Евробарометру» - наша компания была координатором по странам бывшего СССР. Кстати, документы тогда приходилось по факсу посылать.

Сейчас, конечно, проще обрабатывать данные. Есть ПК, есть SPSS, хотя я иногда вспоминаю огромные ЭВМ и как мы записывались в очередь на обработку данных.

В 1990 произошло важное в моей профессиональной жизни событие — Рональд Инглхарт пригласил меня принять участие в проекте «Мировые ценности» (WVS) в качестве principal researcher по России. Я была членом методической комиссии, которая занималась адаптацией анкеты под различные культуры и этносы.

Хотя работать с Рональдом было очень интересно, я далеко не всегда с ним соглашалась. В тот период он как раз занимался разработкой своего знаменитого индекса «materialism-postmaterialism values», причем согласно его исследованию Россия была отнесена в разряд экономически слаборазвитых стран с ориентацией населения на материальные ценности. Я не согласилась с этим, провела собственное исследование, провела регрессионный анализ, и в этом мне очень помог, причем совершенно бескорыстно сотрудник Социологического института РАН в Петербурге Вячеслав Владимирович Сафронов, сам прошедший школу Инглхарта. Было доказано существование множества смешанных типов и тот факт, что люди ориентируются далеко не только на материальные ценности. Замечу, Инглхарт тогда признал мою правоту, что, впрочем, на нашу дружбу не повлияло, и я до сих пор являюсь руководителем исследований WVS в России, которые проходят каждые 5 лет в 80 странах мира.

В Америке те, кто проводит опросы общественного мнения, не называют себя социологами и их не называют социологами. Социологи — в университетах. В России специалисты по проведению опросов часто сами называют себя социологами или так их характеризуют журналисты. Ты пришла к опросам из социологии. Как ты идентифицируешь сейчас свою профессиональную деятельность?

Я называю себя «исследователем», «исследователем-аналитиком». Для разных

типов исследований есть разные названия – маркетолог, если речь об исследованиях рынка, социолог, если об изучении общественного мнения или электорального поведения, исследователь-консультант, если речь о комплексной услугах, консультировании или разработке стратегии продвижения товара на рынок.

Самое большое влияние на меня оказал институт социологии Академии наук СССР, и великие ученые, в нем работавшие – Владимир Николаевич Шубкин, Галина Михайловна Андреева, Борис Андреевич Грушин, Владимир Александрович Ядов, Борис Максимович Фирсов, Андрей Григорьевич Здравомыслов, Николай Иванович Лапин.

Ты одна из немногих российских лидеров изучения общественного мнения и исследования рынка, кто в конце 80-х прошел обучение в Америке и Европе. Не могла бы ты назвать Центры, Институты, в наибольшей степени повлиявшие на твое профессиональное становление?

В США я обучалась и тесно сотрудничала с Мичиганским университетом, в частности с Центром социальных исследований Social Resear Inst, в котором работали Билл Зиммерман и Лэсли Киш, главный специалист по выборкам, автор таблиц для случайного отбора респондентов, Говард Шуман и многие другие.

Бесценным оказался и опыт совместной работы с Рональдом Инглхартом (США) над проектом «Мировые ценности» и с Люком Хальманом (Нидерланды) и Ж.-Ф. Черния (Франция) над «Европейскими ценностями». Интересной и полезной была и работа с Gallup International, в том составе в котором эта организация существовала в 80-е-90-е годы, когда президентом была Э.Рефо (профессор Сорбонны). Работала я и с исследовательским институтом при «Радио Свободы» (Джинн Парта, Майкл Хайни), с представителями 10-й директории Европейской комиссии, отвечавшей за Евробарометр (Карлхайнц Райф, Анна Мелек). Интересным было сотрудничество с британским Gallup (Гордон Хилд), финским Gallup (Лейла Лотти, Юка Пекханнен). Также я тесно сотрудничала с советом правления WAPOR, в частности с Хансом Зетербергом, Фредериком Тернером, Элизабет Нельсон.

Мне представляется, что твоя служба РОМИР (Российское Общественное Мнение И Рынок) была создана еще до ВЦИОМ. Так ли это? Когда РОМИР был зарегистрирован и когда провел первые опросы? Зафиксировать все это крайне важно для истории.

Решение о создании РОМИРа я приняла в 1989 году. Тогда я еще работала в институте социологии и тот первый РОМИР был создан по согласованию с руководством института, и деньги, которые мы там зарабатывали шли институту, хотя договора заключались со мной. Надо сказать, что на в момент РОМИР очень сильно помог Институту социологии, особенно если учесть, что государственное финансирование было мизерным.

Правда, потом, возникла довольно странная ситуация: Валерий Андреевич Мансуров (замдиректора института) высказался в том духе, что все клиенты РОМИРА – это клиенты именно Института социологии, и тогда возник некий конфликт интересов. Впрочем, когда из института ушла я, за мной потянулись клиенты, продолжив наше сотрудничество в рамках уже другой структуры.

Уходила я из института вскоре после того, как там прошла аттестация – мне назначили высшую категорию по ее итогам, так как я и мой сектор вели очень много актуальных проектов по самым разным проблемам, включая большое количество международных проектов (это было отражено в рекламной брошюре, с которой мы ездили в Мичиганский Университет).

Тем не менее, В.А. Мансуров предложил сократить два сектора мой – сектор сравнительных международных исследований и сектор Тамары Моисеевны Дридзе

за «неактуальностью» проблематики. Когда об этом стало известно в Отделении государства и права Академии Наук СССР, которое курировало Институт социологии, то мне предложили либо остаться в структуре института в том же качестве, либо возглавить исследовательский центр конфликтологии при этом отделении.

В институте мне уже оставаться не хотелось, а тема конфликтов и конфликтологии немоя. Поэтому мы с моими коллегами по сектору и первому РОМИРу зарегистрировали новый РОМИР, арендовали помещение и стали успешно работать на себя. Это был 1992 год.

Тогда же мы начали заниматься не только социально-политическими и социально-психологическими исследованиями, но и маркетинговыми проектами.

Одним из первых таких проектов был product test для американского пива Michelob и Budweiser. Исследование включало в себя собственно тестирование пива, что было ново и очень понравилось респондентам. Michelob, впрочем, так и не вышли на рынок – респонденты, несмотря на тяжелые тогдашние времена, раскритиковали его. Я тогда тоже участвовала в тесте, вместе с респондентами, а потом еще и отчет всю ночь писала, было интересно. Потом пошли исследования по сигаретам, жевательной резинке, многому другому. Много исследований мы вели совместно с Gallup International, РОМИР выступал как координатор по Восточной Европе (Украина, Чехия, Россия).

Что произошло, почему тебе пришлось создавать новую организацию «Башкирова и партнеры»? Когда это произошло?

История нашей компании началась на рубеже 80–90-х годов, я создала независимый исследовательский центр РОМИР и стала генеральным директором независимого исследовательского центра РОМИР, специализирующегося на проведении всех видов социально-политических и маркетинговых исследований. В компании был собран высоко профессиональный коллектив, состоящий из специалистов Института социологии в области социологии, психологии и статистики.

Благодаря высокой квалификации и требовательности к качеству своей работы, использованию новейших методов, четкой организации, современному техническому и программному обеспечению, РОМИР стала одной из ведущих и успешных компаний не только на российском рынке социологических исследований и маркетинговых услуг, но и приобрела широкую известность за рубежом.

Именно с этого времени, с 1993 года, Независимый исследовательский центр РОМИР стал национальным (эксклюзивным) представителем международной исследовательской сети Gallup International в России.

Компания РОМИР в те годы участвовала в десятках крупнейших международных исследовательских проектов, включая проекты Европейской Комиссии (Евробарометр), ЮНЕСКО, Мировые ценности (1990, 1995, 1999). Я стала тогда членом ESOMAR, IAPC, IAPC, ISA, IPSA, национальным представителем WAPOR в России, а также лауреатом премии «Советник-2000» за исследования в области общественных связей.

В 2002 году Андрей Владимирович Милехин (Мониторинг.ру) и я договорились о слиянии; новая компания должна была работать под маркой РОМИР как более сильной и раскрученной. С 2002 по 2004 год коллектив РОМИР работал под маркой «РОМИР Мониторинг», но фактического слияния так и не произошло.

В ходе совместной работы возникли серьезные разногласия в отношении стратегии деятельности компании. При этом неоднократно нарушались партнерские договоренности и этические нормы по отношению ко мне как создателю РОМИР и некоторым сотрудникам компании. В ноябре 2004 года произошло фактическое отстранение меня от руководства. Милехин просто не допустил меня в офис, присвоив себе все имущество компании, включая мои личные вещи, хотя ему принадлежало

только 50%. В последствии выяснилось, что он, получив от меня как от президента компании поручение зарегистрировать торговую марку «РОМИР» на нашу новую компанию, зарегистрировал ее на себя, как на частное лицо, став таким образом единственным владельцем марки. Однако это было уже не так важно, потому что эти обстоятельства сделали невозможным для меня и большинства сотрудников оставаться в компании, в которой нарушаются профессиональные и этические нормы.

Чтобы защитить от устранения с рынка социологических услуг профессиональных участников, использующих прогрессивные методики работы и соблюдающих общие принципы разумности и добросовестности при осуществлении своей предпринимательской деятельности, а также с целью сохранения своей деловой репутации в ноябре 2004 года я приняла решение о создании новой исследовательской компании «Башкирова и партнеры». Коллектив высококвалифицированных специалистов РОМИР принял решение присоединиться ко мне – все ведущие менеджеры и исследователи РОМИР приступили к работе в новой независимой исследовательской компании. Практически все клиенты бывшего РОМИРа теперь работают с компанией «Башкирова и партнеры».

Спасибо, Лена. Очень надеюсь, что мы еще продолжим наш разговор.